

ВЫСТАВКА КОПТСКОГО ИСКУССТВА И ПИСЬМЕННОСТИ В ЭРМИТАЖЕ

На конец XX в. пришелся 100-летний юбилей собрания коптского искусства, ремесла и письменности Эрмитажа. Основу этого собрания заложил хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа Владимир Георгиевич Бок (1850–1899). Ныне она включает более 5,5 тысяч разнообразных памятников, являясь одной из самых полных в мире (в ней отсутствуют только произведения монументальной живописи). Эрмитаж отметил этот юбилей рядом мероприятий. В сентябре 1999 г. была проведена Всероссийская научная конференция “Копты”: религия, культура, искусство” (были изданы тезисы докладов участников конференции). В ноябре 2000 г. Отдел Востока Эрмитажа посвятил памяти В.Г. Бока научное заседание. В конце 2000 г. издательство Эрмитажа выпустило сборник “Coptica Hermitagiana”, в котором отражена многогранная деятельность исследователей, занимавшихся собиранием, реставрацией, классификацией, экспонированием, изучением коптской коллекции музея за 100 лет. В ряду этих мероприятий стоит и организация временной выставки “Сокровища египетских пустыньников (Памятники коптского искусства и письменности в собрании Государственного Эрмитажа)”. Она функционировала в четырех залах Зимнего дворца с 26 октября 1999 г. по 15 марта 2000 г. Пожалуй, для специалистов и рядовых посетителей музея устройство такой выставки было наиболее важным событием из всех мероприятий, посвященных юбилею коллекции, поскольку с 1965 г. в Эрмитаже нет постоянной экспозиции коптского искусства и культуры. На выставке было представлено около 300 экспонатов, датируемых от I до XI в. включительно. Перед устройствами выставки стояли две главные цели. Первая – как можно полнее представить состав музейного собрания по материалам (ткани, камень и т.д.). Вторая – отразить основные компоненты искусства египтян-христиан. Понятно, что выросло это искусство на многовековых местных традициях, заимствовало образы, сюжеты, технические приемы у греков и римлян, обращалось к изобразительным мотивам Персии, Сирии, Византии и даже Индии. Естественно, что слияние таких компонентов определило своеобразный, неповторимый характер коптского искусства. Следует указать и еще на одну особенность этого искусства. Известно, что Египет был родиной христианского монашества. Этот мощный институт имел огромное влияние на многие стороны жизни страны, в том числе (а может быть, даже в первую очередь) и на художественную деятельность. Недаром В.Н. Лазарев определял коптское искусство как искусство монастырское по духу и формам. Именно эти особенности искусства христиан долины Нила и постарались в первую очередь продемонстрировать организаторы экспозиций.

Самый большой раздел на выставке был отведен наиболее распространенному из египетских ремесел – ткачеству. (В собрании музея более 3300 тканей IV–XII вв. из разных материалов, различной техники и многообразного назначения.) На ряде тканей отражены мотивы древнего Египта: нильские сцены, знак жизни (анх), цветок вечности – лотос, “божественное око” (уджат), скарабей и др. На многих тканях изображены античные боги, герои, олицетворения; Гея, Дионис, Афродита, Зевс, Гермес, Гера, Афина, Эрот, Геракл, Ники, персонификации месяцев. Нельзя не отметить уникальный тканый медальон X–XI вв. с изображением Ганимеда, кормящего орла. Конечно, большое место отводилось тканям с христианской тематикой. На десятке с лишним образцов были представлены эпизоды истории патриарха Иосифа и царя-пророка Давида. Интересны ткани с изображениями сцен христологического цикла. К редким памятникам можно отнести ткань VIII–IX вв. с изображением крещения народа апостолами (Ин. 4: 2). Уникален украшавший детскую тунику медальон V–VI вв. с изображением мученичества иконойской девы, равноапостольной святой Феклы. Нельзя не обратить внимания и на фрагментированную ткань, на которой представлен ангел(?) с венком и вышита греческая надпись: “Милость божия со святым господином Коллуфом” (VI в.). Очень популярен у коптов был мотив всадника: охотника, воина, святого. Среди тканей с этим мотивом отмечу два медальона. На одном (VII в.) представлен весьма популярный в Египте святой Сисиний, поражающий дьяволицу. На другом (VIII в.) этот же святой вместе со

своим братом Синодором (вариант – Сисинарием) преследуют женских демонов. На нескольких тканях VIII–IX вв. видим всадника с нимбом и с императорскими регалиями; слева и справа от него – по одной человеческой фигуре со связанными за спиной руками. Мне представляется, что эти сцены можно трактовать как символические изображения Ираклия I, разгромившего аваров и персов. На десятках тканей вытканы или вышиты кресты, монограммы и “альфа” и “омега”.

Значительное место в экспозиции занимали изделия из камня (известняк, песчаник, мрамор, диорит): надгробные плиты, детали архитектурного убранства монастырских построек, церквей, погребальных часовен, формы для отливки мелких изделий (медальонов, колец, подвесок и т.п.) и др. Отмечу наиболее интересные памятники: фрагмент жертвенного блюда из мрамора с изображением Давида, отправляющегося на поединок с Голиафом. Датируется оно концом IV – началом V в., а 12-тистрочная коптская надпись погребального содержания исполнена в VIII в. К V в. относятся диоритовая головка ангела и фрагмент рельефа с изображением Даниила во рву львином. Большой интерес представляют известняковые плиты VI–VII вв. с изображениями трех монахов-мучеников в раю и нетрадиционно решенная сцена “Жертвоприношение Исаака”. Этим же временем датируется известняковая плита, украшенная крестами и анхами, с греческой надписью: “Монастырь дев”. К редким образцам относится и капитель пилястры в форме плиты (VII–VIII вв.) из Луксора. Необычайно разнообразны по оформлению и широте временного диапазона надгробия. Стелы эрмитажного собрания дают хорошее представление об общей эволюции этого вида погребального искусства. Ранние памятники II–IV вв. (Коптос, Ком-Абу-Билу) украшены поясными или в рост изображениями умерших, сопровождаемыми скупыми пояснительными надписями. Стелы V–VII вв. (их в нашем собрании довольно много) насыщены изобразительно-символическими мотивами (оранты, птицы, анхи, кресты, монограммы, алтари и др.), как правило, сопровождаемы надписями. Надгробия VIII–X вв. обычно без изображений, но с пространными надписями. Отмечу несколько памятников этой категории: стела монаха Патермутия высотой более 1 метра (самое большое надгробие в собрании Эрмитажа), стела с коптской надписью: “Колфе плотник, Бог с тобою!” и с фрагментарно сохранившимся изображением покойника, и с прямоугольным отверстием в центре, означающим вход в рай. Но, вероятно, самым загадочным надгробием нашего собрания является кирпичеобразный мраморный блок, на одной из больших сторон которого выбиты четыре бороздки (две продольные и две поперечные), процарапан крест и надпись, которую одни специалисты переводят: “Коллуф христианин”, а другие – “Последователь (следующий за) Христа (Христом)”. Судя по всему, это очень редкий и ранний (вряд ли позднее IV в.) памятник.

Не менее разнообразными были также изделия торевтов из бронзы, латуни, железа: кресты, лампы, кадила, курильницы, переносные алтарики, канделябры, сосуды, медальоны, подвески, но больше всего – светильники. Наибольший интерес посетителей вызывали такие памятники, как бронзовый канделябр (V–VI вв.) в виде фигуры женщины, стоящей на колонке и держащей двух барсов, поддерживающих кольцо, в котором подвешен двухрожковый светильник в виде дельфина, и основание бронзового канделябра, состоящее из фигурок львов, лани, птицы и дельфинов (VI в.). Женскую фигуру канделябра можно трактовать как олицетворение первомысли – мать всего сущего. В этом случае она связана с дуалистическими представлениями гностиков, пользовавшихся в IV–V вв. в Египте большим влиянием. Отличается этот памятник от других того же назначения и значительными размерами – высота его 78 см. Компоненты основания другого канделябра, возможно, символизируют четыре стихии: львы и лань – землю, птица – воздух, пара дельфинов – воду, свет светильника – огонь. Отмечу и бронзовый сосуд для елея в виде амфоры, укрепленной на треножной подставке, которая характерна для древнего и птолемеевского Египта (конец V в.). К VIII в. относится бронзовая курильница в виде коня. VIII–IX вв. датируется светильник с ручкой в виде креста, стоящего на полумесяце. Такая комбинация, по-видимому, должна символизировать единение христианского и мусульманского населения долины Нила.

Многообразием отличалась продукция египетских керамистов: светильники, штампы, сосуды с живописными и лепными изображениями, фигурки рыб и птиц, отгиски штампов; особое место занимали ампулы из святилища святого мученика Мины. Заслу-

живают внимания светильники с изображениями Пегаса, семисвечника, анхов, “Жертвоприношения Исаака”, лягушек (символов воскресения), виноградной лозы. На фрагментированном краснолаковом блюде из Сохага (V–VI вв.) оттиснуто изображение Христа с крестом-посохом, птицы и четырех рыб. Так символически мастер передал торжество христианства. К уникальным произведениям относится фрагментированный крест-надгробие (V–VI вв.) с живописными изображениями сосуда, по сторонам которого представлены две птицы и две рыбы. К редким памятникам можно причислить подвесной светильник в виде рыбы, на одной стороне которой оттиснут крест, а на другой – монограмма (IV–V вв., Александрия), и также подвесную фигурку голубя (V–VI вв.) – олицетворение святого духа. Такие фигурки обычно подвешивались в храмах над алтарями или крещальными купелями. К V–VI вв. можно отнести и оттиск от штампа с круговой надписью: “Божья милость. Аминь” и буквами “П” и “А” по сторонам креста в центре. Скорее всего буквы обозначают: “Патриархат Александрии”. Амулы святого Мины (V–VII вв.), предназначавшиеся для хранения освященного масла (едея) и целительной воды, выполняли роль апотропеев, филактериев и памяток о посещении места упокоения и чудотворений святого Мины.

Произведений резьбы по дереву в нашей коллекции немного. Лучшие из них были выставлены: фрагментированный литургический гребень (IV–V вв.), посередине которого изображен человек, держащий в одной руке змею. Это изображение призвано символизировать победу сил добра над силами зла, добродетели над грехом; к VII–VIII вв. можно отнести панель с резным изображением храма и крест в ромбе; навершие посоха в виде двух птиц, обращенных в разные стороны, и несколько штампов с вырезанными именами владельцев.

Еще скромнее количество поделок из кости с христианской тематикой: три амулета (VIII–IX вв.) с изображениями дракоборцев и крест. Из памятников станковой живописи на выставке фигурировали: выполненный темперой погребальный портрет (погрудный) юноши (VI–V вв.) и плохой сохранности энкаустическая икона из дехнаса (Оксиринх) святого воина (Федор?) (VI–VII вв.). Миниатюрное искусство было представлено изображениями Христа на листе пергамента (IX–X вв.). К X–XI вв. относится фрагментированная завеса с живописным изображением сцены “Крещения Христа”.

Неподдельный интерес посетителей вызывала коптская просфора, своей формой и убранством отличная от просфор православных. У православных они делаются двучастными, и эти части означают единство божественного и человеческого во Христе. У коптов просфоры плоские и одночастные, символизирующие только божественную природу Спасителя.

Гордостью эрмитажной коллекции являются происходящие из Египта разнообразные памятники письменности на греческом, коптском (в отдельных случаях – на арабском, мероитском, сирийском) языках. Это тексты, написанные на папирусе, пергамене, остраках, дереве, процарапанные на камнях, оттиснутые на глиняных изделиях, вырезанные на дереве, выполненные красками или вышитые на тканях. Содержание их самое разное: это и деловые документы (договоры, расписки, квитанции и т.п.) и тексты религиозного содержания (молитвы, наставления пастве, заклинания и т.п.). Большинство из них являются ценнейшими источниками по истории страны, ее экономике, культуре, истории церкви, монашества и т.п.

Акцентируя религиозный аспект коптского искусства, организаторы экспозиций, чтобы полнее отразить все стороны искусства Египта христианской поры, привлекли и разнообразные предметы бытового, домашнего обихода и хозяйственного назначения из металлов, кости, дерева, стекла, кожи, тканей. Выделю наиболее показательные памятники такого рода. Из металлических изделий – латунная обкладка шкатулки из дерева, на которой техникой выколотки изображен Дионис со свитой (IV в., Александрия); латунная же диадема, сохранившаяся в трех частях, представляющих собою соединенные друг с другом чередующиеся круглые и прямоугольные бляшки, в которых помещено профильное изображение императора: одна из круглых бляшек размерами превышает другие, на ней представлено погрудное изображение человека в фас, по сторонам греческие надписи: “благодать” и “здоровье” (IV–V вв.); железный ключ. Изделия косторезов – небольшие пластины, большинство из которых служило обкладками для ларцов,

украшены рельефными или врезными изображениями эротов, танцовщиц, воина, сцен охот, рыбной ловли, растительным орнаментом. Довольно много предметов бытового назначения: пряслицы, стили, булавки и амулеты в виде стилизованных женских фигурок или лиц. Из памятников резьбы по дереву выделю: деревянное панно с рельефным изображением нильского пейзажа и ниломера (IV в.); подголовник с инкрустацией; футляр в форме цилиндра для красок; блюдо в виде полукруга, украшенное с лицевой стороны резьбою (IX в.). Было выставлено несколько стеклянных сосудов для благовоний и мазей, кожаная туфля с ажурным украшением из золоченной кожи, кожаный пояс с тесненым рисунком, детская сандалия, плетеная из травы, детский шерстяной носочек. Из произведений живописи были выставлены все восемь хранящихся в Эрмитаже фаянсовых портретов (I–II вв.) и створка триптиха VI–VII в. с живописным изображением одного из Диоскуров.

Около трети представленных на выставке памятников экспонировалось впервые, некоторые из них были передатированы, а другие были истолкованы по-иному. Уже одно это обуславливало настоятельную необходимость снабдить выставку каталогом (что в последнее время стало вроде бы доброй традицией в деятельности Эрмитажа). К сожалению, из-за нехватки средств подготовленный задолго до открытия выставки научный каталог издан не был. Издательство Эрмитажа “отважилось” только на издание буклета крохотным тиражом. Выставка имела широкий общественный резонанс. Информация о ней прошла по петербургскому и российскому телевидению и радио, ряд газет (в их числе и издающаяся в Париже “Русская мысль” – № 4305, 17–23 февраля 2000 г.) поместил посвященные ей статьи и заметки. По данным музейного Центра социологических исследований, это была одна из самых посещаемых временных выставок в Эрмитаже; среди посетителей преобладала молодежь. Проведено было более ста экскурсий и разного рода консультаций. Об интересе к выставке свидетельствуют многочисленные записи в Книге отзывов. В записях отмечался высокий профессионализм в оформлении экспозиции (заслуга группы художников-дизайнеров во главе с О.В. Сокруто), выражались недоумения по поводу отсутствия каталога и сетования на краткость экспликаций, высказывались настойчивые пожелания о сохранении выставки в качестве постоянной экспозиции. Актуальность последнего пожелания очевидна. Несколько поколений петербуржцев и гости города, посещающие Эрмитаж, даже не догадывались о существовании в Эрмитаже одного из лучших в мире собраний памятников египтян-христиан. Постоянная экспозиция коптского искусства явилась бы логичным звеном в многотысячелетней истории Египта, заполняющим лауну между выставками древнего Египта и Египта арабской эпохи.

А.Я. Каковкин

О НАУЧНЫХ РАЗРАБОТКАХ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ ЗА 1996–2001 гг.

В 1996–2001 гг. активно работали молодые византинисты, группирующиеся вокруг кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета имени А.М. Горького (зав. кафедрой – д.и.н. проф. М.А. Поляковская) – к.и.н., доцент кафедры А.С. Мохов, к.и.н., ассистент Т.В. Куц, к.и.н. С.В. Красиков, к.и.н. Л.С. Ряшко, О.Е. Колотова, Л.Ю. Лобова-Костокрызова, Д.И. Макаров, К.И. Лобовикова (Морозова), Н.Г. Пашкин, Е.А. Серен, О.С. Коскина, Э.Н. Хрущева. Для этих исследователей характерно обращение к проблемам духовной и культурной истории Византии, истории интеллектуальной жизни и Церкви, а также к историографии.

В работах А.С. Мохова немалое внимание уделяется проблемам военной истории Византии и проблемам фемной организации империи в XI–XII вв. В статье “Командный состав византийской армии в правление Константина VIII” (АДСВ. 1997. Т. 28. С. 19–33) Мохов дает свой ответ на вопрос о том, почему после смерти Василия II Болгаробойцы